

Грустный монолог Яншина

СТО СТРОК
ПУБЛИЦИСТА

СХАТ

Коллекционерская публ., 1987, 3 стр.

Не знаю, случайность это или обычное дело. Так или иначе, об этом следует рассказать.

30 ноября во МХАТе давали «Вишневый сад». Кончился спектакль. В зале поднялись с мест, а актеры все вместе вышли на сцену. Но это не был традиционный, взволнованный выход, когда благодарный зал стоя вызывает артистов. Зал шумно свешив на вешалку. Актеры до собственной индигнации подошла к рампе, и народный артист СССР Михаил Яншин, игравший Симеонова-Пищика, сказал: «Товарищи, нам очень грустно. Грустно потому, что мы не умеем уважать труд других». У актеров были усталые лица...

В школах, в десятых классах сейчас «проходят» Чехова. Театр делает доброе дело — именно в это время повторяя одни из известных своих спектаклей. Я с трудом добыл билет. В кассе сказали, что все уже продано в школах.

Перед началом я увидел десятиклассников. Они веселыми стайками заполняли фойе. Я завидовал им. Вспомнил, как «про-

ходили» Чехова у нас в деревенской школе после войны. Учитель принес листы со сценами «Вишневого сада» во МХАТе. В молодости учитель «на первую получку» ездил в Москву специально, чтобы увидеть чеховские спектакли. Он подробно рассказывал, как строилась каждая сцена в «Вишневом саду». Театр в Москве был для нас чем-то недоступно великим. И вот я вижу теперь, как в зал проходят московские десятиклассники. Полчаса назад они были дома. Завтра после уроков они также могут пойти в театр. Хорошо одеты. На ребятах дорогие костюмы, галстуки-бабочки мелькают, девушки в узорных чулках, в изящных сапожках. И ростом они гораздо выше, чем были мы в десятом, — военная баскормица не очень помогала расти. Сравнивая, отмечаю, что эти, пожалуй, слишком шумливы. Пожалуй, тому вон парню в галстуке не стоило бы садиться почти верхом на барьер, не стоило бы волновать билетершу-старушку. Но тут же упрекаю себя за придирчивость — семнадцать лет людям. Рассматривают программы: «Ого, играют се-

годня: народный артист... народный артист...»

Открывается занавес. Раневская приехала в родное имение. Она взволнованна. Но что она говорит? Я ничего не слышу. В зале сплошной гул, как будто спектакль и не начинался. Сзади меня какой-то парень неходит острбумным сползает с кресла, а потом с грохотом поднимается. Две девочки оживленно комментируют какой-то вчерашний случай. Еще один «театрал» в бело-снежной сорочке с бабочкой подбрасывает вверх и ловит монеты. Монеты время от времени падают в темноту на пол. Он ищет их. Мои укоризненные жесты не замечаются. Внизу, в темноте происходит что-то подобное. Гул, скрип кресел. В третий ярус со сцены долетают только обрывки слов.

Потерпев поражение в мимической борьбе с соседями, после первого акта спускаюсь вниз и прошу билетера поставить где-нибудь в уголке стул. Стало лучше, но не намного. Шорох, скрип, комментарии вслух происходящего на сцене. Больно за актеров, вынужденных форсировать голос. Девушка передо мной шепотом умоляет сидя-

щих рядом: «Пожалуйста, потише, ну, пожалуйста, это же Чехов». Финальная сцена: вишневый сад продан, старик Фирс умирает. Залу почему-то это кажется очень забавным. Смех, хлопки в ладоши, глупые реплики.

Артисты вышли к рампе и сказали: «Нам грустно...» А зал без угрызения совести бежал к вешалке, поправляя в зеркале прически и галстуки. Зал, которому через полгода вручат аттестат зрелости.

Мне было тоже грустно. Ну хорошо, «Вишневый сад» — это классика. Понятно, что судьба «умирающего дворянства» не может глубоко волновать молодого человека сегодня. Да и спектакль может быть в разной степени удачным. Но ведь два десятка талантливых, заслуженных, не молодых уже художников хотели помочь людям понять Чехова, помочь прикоснуться к большому искусству. Как же к этому относиться без благодарности? Да и в театре ли только мы часто видим неблагодарность. Не надо ли продолжить «монолог» Яншина?

В. ПЕСКОВ.